ИЗЪ ЖИЗНИ

КАМЧАТСКАГО МИССІОНЕРА

И

ЗАПИСКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА

ІЕРОМОНАХА НЕСТОРА.

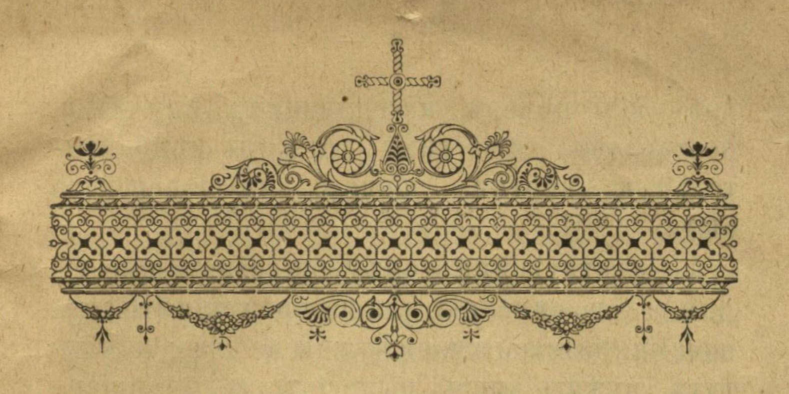
КІЕВЪ.
Типографія Кіево-Печерской Успенской Лавры.
1912.

ИЗЪ ЖИЗНИ
КАМЧАТСКАГО МИССІОНЕРА
И
ЗАПИСКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА
ІЕРОМОНАХА НЕСТОРА.

КІЕВЪ.
Типографія Кіево-Печерской Успенской Лавры.
1912.

Печатать разрѣшается. 29 мая 1912 г.
Ректоръ Кіевской Духовной Академіи Епископъ Иннокентій.

Изъ жизни камчатскаго миссiонера.

Дорогiе Читатели!

Я рѣшаюсь познакомить васъ съ жизнью далекой Камчатки. Я не хочу затруднять васъ подробными свѣдѣнiями объ этнографическомъ составѣ населенiя Камчатки, не буду говорить о томъ, что она отчаянно эксплоатируется иностранцами, что русскихъ крупныхъ предпринимателей тамъ почти нѣтъ, не буду сообщать вамъ и о тѣхъ великихъ грѣхахъ русской администрацiи предъ инородцами Камчатки и нашимъ великимъ Отечествомъ, вслѣдствiе которыхъ мы уже почти потеряли этотъ край.

Обо всемъ этомъ я скажу лишь кое-что.

Но за то я постараюсь описать вамъ то положенiе, въ которомъ приходится дѣйствовать служителю Св. Церкви среди тузем-

цевъ язычниковъ, населяющихъ Камчатку, постараюсь дать вамъ хотя бы приблизительную картину нашего миссіонерскаго быта.

Чувствую при этомъ свою безпомощность. Для такого описанія, для изображенія этой нашей Камчатской жизни нужны не мои таланты; тутъ нужны кисть и краски величайшаго художника, а не мои слабыя силы.

* * *

Помните ли, знаете-ли вы Васнецовское изображеніе пророка Іереміи въ Кіевскомъ Владимірскомъ соборѣ?

Стоитъ великій пророкъ, посыпавъ пепломъ свою страждущую, святую главу,— стоитъ, прижавъ руки къ сердцу, стоитъ со слезами на глазахъ, стоитъ и слова не можетъ вымолвить!...

Звукъ его собственнаго голоса, можетъ быть, облегчилъ бы его; этотъ звукъ, быть можетъ, прибавилъ бы ему силъ пережить его безмѣрныя страданія.

Но. . . . . но голоса у него нѣтъ!...

Пророкъ не имѣетъ силъ открыть свои святыя уста,—онъ молчитъ, и капли горькихъ слезъ только облегчаютъ его страждущее сердце.

Дорогіе братья!

Посмотрите на эту картину ветхозавѣтнаго пророка, достаньте ее, всмотритесь, и вы тогда поймете великую скорбь сибирскаго миссіонера, заброшеннаго въ непроходимыя тайги, въ страшныя снѣжныя степи, среди вьюгъ и булановъ, въ страну холода въ 30°—40°.

Въ такой странѣ Господь судилъ и мнѣ потрудиться надъ просвѣщеніемъ свѣтомъ Евангельскимъ нашихъ туземцевъ—дикарей камчатскихъ.

Смотря на ихъ жизнь, на ихъ хроническій голодъ, на постоянныя болѣзни, на безпросвѣтную тьму ихъ жизни, на неописуемую грязь ихъ жизненной обстановки,—смотря на все это, всякое сердце можетъ только плакать, и скорбѣть, и молиться Богу о томъ, чтобы и этимъ несчастнымъ открыто было «лѣто Господне пріятное», чтобы и на нихъ призрѣлъ Господь милостивымъ Своимъ окомъ и просвѣтилъ ихъ свѣтомъ Своей истины.

Я долженъ здѣсь сказать хотя кратко, въ чемъ заключается весь ужасъ жизни камчатскихъ туземцевъ. Но, чтобы хотя мигъ одинъ перечувствовать всѣмъ намъ безпро-

свѣтную жизнь этихъ туземцевъ, отрѣшимся на время отъ окружающей насъ культурной обстановки и мысленно представимъ себя въ дикой, угрюмой Камчаткѣ, въ ея холодной сѣверной окраинѣ, въ непривычной для насъ новой обстановкѣ, среди глубокихъ снѣговъ и лютыхъ морозовъ; представимъ себя окруженными стаей собакъ, замѣняющихъ тамъ лошадей, жалобно хоромъ аккомпанирующихъ жутко воющему порывистому вѣтру.

Представимъ себя въ странѣ, гдѣ солнышко въ продолженіе 8—9 мѣсячной зимы является рѣдкимъ гостемъ и только на мгновеніе напоминаетъ вамъ о своемъ свѣтѣ, а затѣмъ опять надолго остается въ полумракѣ хладная, какъ темница, Камчатка.

Перечувствуйте хотя на мгновеніе то, что приходится испытывать постоянно камчатскому путнику при поѣздкахъ на собакахъ или оленяхъ въ гробообразной нартѣ, когда путникъ, застигнутый буйнымъ снѣжнымъ ураганомъ, занесенный снѣгомъ, среди дикой, суровой пустыни четвертыя и болѣе сутки голодаетъ и, закоченѣлый, не видя затишья непогоды, смирившись со своей могильной обстановкой, ожидаетъ печальной отъ голода и холода смерти.

Слѣдуя далѣе по безлюдной, безпредѣльной камчатской пустынѣ, путникъ встрѣчаетъ на пути изрѣдка дикихъ звѣрей, но, видимо, чувствуютъ подчасъ и эти дикіе хищники жалость къ совершенно беззащитному путнику и щадятъ его.

Но вотъ наступила ночь..... темная, непроглядная, морозная и, кажется, безконечно долгая ночь. Уже пятыя сутки не встрѣчается ни одного жилого уголка, ни одного стойбища. Кажется еще часъ—два такой жизни,— и конецъ!

Но что это? Что это тамъ впереди, далеко на небѣ, сдѣлалось вдругъ такъ свѣтло и ясно?

—Это—сѣверное сіяніе...

О, поистинѣ волшебныя ночи бываютъ на крайнемъ сѣверѣ; даже послѣ всевозможныхъ лишеній невольно примиряешься со всякими невзгодами въ пути, когда появляется картина сіянія;—все забывается, и кажется, что небо торжествуетъ надъ землею, а эти яркія разноцвѣтныя тѣни, точно ангелы небесные, перелетаютъ, вѣщая землѣ славу Божію... Но вотъ небосклонъ начинаетъ блѣднѣть, тускнѣть, и вдругъ, какъ бы черная полоса или завѣса мгновенно скрываетъ всю небес-

ную красоту, и вновь сердце сжимается отъ унылой картины темной морозной ночи, мертвенная тишина коей нарушается лишь заунывнымъ воемъ полусотни собакъ, везущихъ нарты, и далеко эхо разноситъ этотъ вой по снѣжной пустынѣ. А путникъ молитъ Бога избавить его на завтра отъ адской непогоды, такъ какъ сѣверное сіяніе всегда является предвѣстникомъ наступающаго снѣжнаго бурана.

Но вотъ, наконецъ, виденъ путнику вдали острожекъ или стойбище, гдѣ живутъ туземцы, изъ юртъ идетъ густой черный дымъ съ огненнымъ красноватымъ оттѣнкомъ, люди и собаки копошатся возлѣ юрты... чувствуется жизнь...

То-то будетъ радость путнику отдохнуть душой и тѣломъ, отогрѣться и подкрѣпиться послѣ долгихъ путевыхъ невзгодъ и испытаній.

Но, чтобы попасть въ жилище, въ юрту туземцевъ, надобно верхомъ по закоптѣлому бревну спуститься чрезъ дымовую трубу, а, спускаясь, приходится рисковать попасть въ горящій вокругъ столба костеръ на земляномъ полу юрты, дымъ же, выходящій отъ этого костра чрезъ ту же входную трубу,

окутываетъ съ ногъ до головы спускающагося, разъѣдаетъ до боли глаза и переполняетъ носъ и ротъ.

Изстрадавшійся въ дорогѣ путникъ мечтаетъ легко вздохнуть, хотя въ этой ямѣ—юртѣ, онъ жадно глотаетъ сравнительно теплый воздухъ подземнаго жилища, пропитаннаго дымомъ и... какъ будто, гноемъ?...

Что за люди окружаютъ его теперь? Вы всмотритесь въ нихъ и увидите, что глаза этихъ людей выражаютъ не только ласковый, привѣтливый взглядъ, но и надежду на вашу помощь и сочувствіе къ ихъ безпредѣльнымъ скорбямъ.

Въ туземныхъ острожкахъ и стойбищахъ васъ окружаютъ почти всегда только больные, голодные люди. У нихъ и среди нихъ и приходится «отдыхать». И во время этого отдыха вы увидите людей съ отгнивающими частями тѣла, безногихъ, безрукихъ, съ искаженными выгнившими лицами всякаго возраста, отъ младенца до стараго.

Вотъ ползетъ десятилѣтній мальчикъ, покрытый страшными гнойными язвами и безсвязнымъ глухимъ стономъ проситъ о помощи и облегченіи. Его несчастная мать, изстрадавшаяся за него, старается облегчить

страданія своего любимаго сына... но какъ?..

Она дѣлаетъ больному мальчику своеобразную операцію, она вырѣзаетъ его гнойные наросты рабочимъ тупымъ грязнымъ ножемъ, вытираетъ раны сухой травой и, конечно, засоряетъ ихъ еще болѣе.

Въ другомъ мѣстѣ ютится голая семья калѣкъ: отецъ съ отгнившими ногами, съ болѣзненнымъ стономъ ползаетъ по землѣ, разлагаясь дальше, мать и дочь, лѣтъ семи малютка,—обѣ скорчены и ходятъ опершись руками о землю, съ опущенной навсегда внизъ головою.

Въ углу юрты сидитъ на землѣ глубокая старуха-корячка съ выраженіемъ на лицѣ жалкой идіотской улыбки и сдираетъ ногтями съ гніющаго плеча запекшуюся кровь съ гноемъ и присохшую грязную мѣховую тряпку, замѣняющую бинтъ, а возлѣ этого полуживого существа валяются голодныя собаки и щенки, ласково облизываютъ ноги больной старухи и подбираютъ сорванные съ больного мѣста куски кровавыхъ тряпокъ.

Не правда ли, какъ эта несчастная старуха намъ напоминаетъ бѣднаго Лазаря: ей, какъ и бѣдному Лазарю, единственную ласку оказываютъ только собаки...

Говорить-ли о прочихъ бѣдахъ и несчастіяхъ, постигающихъ туземцевъ?

Говорить-ли объ ихъ хроническихъ голодовкахъ?

Главная и почти единственная пища туземцевъ и вообще жителей Камчатки—это рыба, замѣняющая туземцамъ хлѣбъ: рыба въ сыромъ мерзломъ видѣ—«строганина», вяленая—«юкола» и квашеная—«кислая», но этой пищи часто бываетъ совсѣмъ мало, недостаточно для годового прокормленія людей и собакъ. Причинъ недостатка въ рыбѣ бываетъ много и вольныхъ и невольныхъ. Къ вольнымъ причинамъ голодовокъ можно отнести и лѣнь обитателей Камчатки, и неумѣніе ихъ промышлять рыбу, но для усовершенствованія примитивныхъ способовъ въ промыслахъ и охотѣ на Камчаткѣ должны придти на помощь уже люди культурные, а также должны быть на то и средства. Къ невольнымъ причинамъ туземныхъ голодовокъ можно отнести частый недоходъ рыбы, несвоевременное разлитіе рѣкъ отъ горныхъ потоковъ, обмелѣніе рѣкъ, рѣзкая перемѣна климата и хищническая ловля рыбы въ устьяхъ рѣкъ иностранцами.

Приходилось намъ въ 1907 г. встрѣчать толпы голодныхъ туземцевъ. Тяжело видѣть ихъ сухія, блѣдныя изможденныя лица.

Невозможно описать ихъ голодные припадки, и жаль, что некому придти на помощь къ этимъ одинокимъ, безотвѣтнымъ страдальцамъ.

Дорогіе братья! Сейчасъ невольно намъ припоминается картина подъ заглавіемъ: «на Шипкѣ все спокойно». Да, тамъ спокойно... тамъ спокойно въ свое время замерзалъ русскій солдатъ. Тихо стоя на мѣстѣ, кротко принимая Богомъ ниспосланную ему судьбу,— онъ стоялъ и тихо замерзалъ.

Вы, братья, чувствуете всю тяжесть его положенія?

Такъ вотъ, почувствовавъ весь ужасъ на Шипкѣ, обратите вниманіе, что на Камчаткѣ, такъ же тихо и такъ же безпомощно, въ страшныхъ снѣгахъ и морозахъ замерзаютъ и въ не менѣе страшныхъ болѣзняхъ погибаютъ цѣлыхъ два—три племени.

Но солдатъ православный на Шипкѣ, всетаки, имѣлъ утѣшеніе,—онъ зналъ Христа, онъ зналъ, что тамъ, гдѣ-то далеко, есть люди, которые его любятъ, что, по крайней мѣрѣ, о немъ хотя поплачутъ.

Это для него было, во всякомъ случаѣ, своеобразное утѣшеніе.

А туземцы камчатскіе не знаютъ любви, не утѣшены ничьей лаской.

Они только боятся... они боятся своихъ злыхъ духовъ, боятся природы, холода, голода, мороза, боятся всякаго начальства.

Въ этой смѣнѣ всякихъ страховъ и проходитъ ихъ несчастная жизнь.

* * *

Несчастные больные туземцы Камчатки лишены медицинской помощи, такъ какъ на всю Камчатскую область, равную 983,520 кв. верстъ, существуетъ всего лишь одинъ врачъ, онъ же и медицинскій инспекторъ.

Съ 1908 г. участь больныхъ туземцевъ Камчатки начинаетъ становиться лучше, въ смыслѣ оказанія имъ помощи, такъ какъ въ Гижигинскомъ уѣздѣ и въ Петропавловскомъ проживаютъ сестры милосердія, добровольно отдавшіяся на служеніе ближнему въ этомъ отдаленномъ, безпросвѣтномъ, безпомощномъ краѣ.

Сестры милосердія оказываютъ туземцамъ и вообще жителямъ Камчатки посильную свою помощь, о чемъ свидѣтельствуютъ

сами туземцы и камчадалы. Правда, здѣсь и ранѣе, какъ и теперь, имѣлись два—три фельдшера (изъ б. солдатъ), но они никогда не оказывали помощи туземцамъ, исключая случаевъ оффиціальныхъ приказаній, исходившихъ за 3,000 верстъ.

Сестры же милосердія несутъ самоотверженный тяжелый трудъ. Одна сестра милосердія въ Петропавловской колоніи прокаженныхъ всецѣло отдалась заботамъ объ облегченіи печальной участи несчастныхъ мучениковъ прокаженныхъ, которые ранѣе были почти безъ присмотра и всѣми заброшены,—они жили въ нищетѣ, голодѣ и холодѣ.

Сейчасъ же имъ живется хорошо, и они любятъ и цѣнятъ заботящуюся о нихъ сестру милосердія, называютъ ее «своей матерью».

Другая сестра милосердія—при вновь устроенной въ 1908 г. больницѣ въ г. Петропавловскѣ, а третья въ Гижигинскомъ уѣздѣ разъѣзжаетъ по инородческимъ стойбищамъ и оказываетъ имъ помощь. Послѣдняя сестра милосердія, врачуя недуги страждущихъ туземцевъ, оказываетъ большую заботу и о душахъ этихъ дѣтей природы. Она изучаетъ

охотно ихъ языкъ и ведетъ съ ними религіозныя бесѣды, будучи сама всегда благоговѣйно и христіански настроена. Обо всемъ этомъ съ восторгомъ и умиленіемъ разсказываютъ крещенцы и даже язычники. Всѣ туземцы называютъ ее «сестрицей» и относятся къ ней съ большой любовью, довѣріемъ и уваженіемъ.

Въ Гижигѣ, гдѣ множество больныхъ русскихъ и туземцевъ—необходимо должно устроить больницу,—это будетъ великое доброе дѣло, тогда бы скорѣе можно было спасти гижигинцевъ и инородцевъ отъ страшныхъ болѣзней и вымиранія.

* * *

Теперь, возлюбленная братія, обратимъ наше серьезное вниманіе на миссіонерское дѣло среди камчатскихъ туземцевъ.

Туземцы: тунгусы, коряки, чукчи, ламуты, чуванцы и юкагиры,—кочующіе и осѣдлые, разбросаны по пространству въ 643,824 кв. версты.

Одно стойбище отъ другого отстоитъ на сотни и тысячи верстъ.

На всемъ этомъ пространствѣ находятся всего лишь два миссіонерскихъ стана съ

двумя же отцами-миссіонерами, которые должны объѣхать и посѣтить всѣ острожки и стойбища туземцевъ, такъ какъ большинство крещенцевъ не имѣютъ возможности сами пріѣзжать въ церковь русскаго селенія,—одни—потому, что не имѣютъ для поѣздки ни оленей, ни собакъ, а другіе, такъ называемые оленные тунгусы, завися всецѣло отъ своего табуна оленей, тоже не могутъ прикочевать ближе къ священнику.

Гдѣ есть мхи—кормъ оленей, туда табунъ оленей и идетъ, а за ними слѣдуютъ и хозяева, но такъ какъ близъ русскаго селенія мховъ нѣтъ, посему олень и уводитъ своихъ хозяевъ далеко, за тысячи верстъ отъ церкви и священника.

Миссіонеръ же, получая содержаніе 40 р. 83 коп. въ мѣсяцъ и годовое пособіе на разъѣзды 100 р., при всемъ желаніи, не въ состояніи объѣхать и $^1/_{10}$ части своихъ инородцевъ, такъ какъ за двѣ или даже три подводы собакъ съ версты миссіонеръ долженъ платить 12—18 к., и такимъ образомъ поѣздка за 1000 верстъ до первыхъ стойбищъ и обратно уже стоитъ всего годового содержанія миссіонера. Такъ что, если миссіонеру совѣсть не позволяетъ сидѣть сложа

руки и даромъ ѣсть мерзлую рыбу, то онъ вынужденъ совершать миссіонерскія поѣздки, входя въ долги.

По вышеуказанной причинѣ крещенцы—тунгусы и коряки, иные отъ 10 до 20 лѣтъ не видали священника, не приступали къ Святымъ Таинствамъ исповѣди, причащенія и брака. Семейства крещенцевъ соединились съ язычниками, дѣти ихъ не крещены. Многіе крещенцы посему нынѣ уже отпали отъ Православія, и по вѣрѣ и по обычаямъ предковъ—язычниковъ устраиваютъ языческія торжества съ жертвоприношеніями, умилостивляютъ злого духа,—повелителя грозными стихійными явленіями природы, принесеніемъ ему въ жертву лучшихъ ѣздовыхъ собакъ (стоющихъ на Камчаткѣ 100, 150 р. и дороже), приносятъ жертвы «аппапелю» (небольшой холмъ, на которомъ коряки ощущаютъ присутствіе духа ихъ предка старика, жившаго близъ моря и повелѣвавшаго моремъ и вѣтрами). Наконецъ, всѣ отпадшіе занимаются шаманствомъ — призываніемъ злого духа «калыангынгъ».

Потому-то крещенцы и отпали отъ Православія, что они ничѣмъ съ Православіемъ не были связаны: ни ученіемъ Православія,

для большинства неизвѣстнымъ доселѣ, ни Церковью, ни таинствами очищенія грѣховъ и просвѣтлѣнія души, ни обрядами, такъ какъ обряды Православія давно ими забыты, ни, наконецъ, общностью жизни съ христіанами.

Къ глубокому прискорбію, надо замѣтить, что сами-то русскіе камчадалы (давно ссыльный неспокойный народъ) уронили свое русское имя и дѣло, пали духомъ и тѣломъ, — это умственно-неразвитой народъ, нравственно-невѣжественный и испорченный свободной и безнадзорной жизнью. Но, быть можетъ, отсутствіе жизненныхъ удобствъ и полное необезпеченіе дикаго края изуродовали русскаго мужика-крестьянина, бывшаго хлѣбопашца, и развратили его.

Обидно то, что эти глубоко-несчастные, духовно-падшіе люди, вызывающіе сожалѣніе и скорбь о себѣ, не имѣли ни духовной поддержки, ни нравственнаго руководства.

Сейчасъ уже является трудной задачей подчинить этотъ народъ благому вліянію, трудно пошатнуть, а тѣмъ болѣе разрушить, или пересоздать ненормально установившійся строй жизни среди христіанъ русскихъ-камчадаловъ.

Правда, сближенiе русскихъ камчадаловъ съ туземцами и совмѣстная жизнь оказали сильное взаимное влiянiе; одни до нѣкоторой степени «худо одичали», а другiе «дурно обрусѣли».

Такъ что миссiонерамъ является задача спасать и духовно врачевать тѣхъ и другихъ.

Нѣкоторые русскiе усвоили отъ туземцевъ многiя привычки, обычаи и суевѣрiя, а туземцы переняли и прочно усвоили отъ русскихъ пьянство, разгулъ... Имѣющiе возможность, туземцы-язычники прiѣзжаютъ въ русскiе поселки къ Рождеству, называя этотъ праздникъ «славиньки-хинэилъ мимелъ», т. е. русскiй праздникъ, когда они пьютъ и даютъ водку.

Всѣ отпадшiе крещенцы озлоблены на свою судьбу, такъ какъ миссiонера не видѣли двадцать лѣтъ, а отъ язычниковъ крещенцы получаютъ теперь укоры, насмѣшки и издѣвательства. Посему нынѣ крещенцы встрѣтили священника-миссiонера враждебно, отказались отъ Святыхъ Таинствъ и отъ общенiя съ Церковью Христiанской. Жены и дѣти ихъ разбѣжались и попрятались. Ни увѣщанiя миссiонера, ни сожалѣнiя его объ ихъ участи въ загробной буду-

щей жизни, ни ласка, ни, въ концѣ концовъ, повелительный тонъ—ничто не помогло для вразумленія отпадшихъ,—все это опоздало уже на двадцать лѣтъ. Итакъ завершеніе скорби миссіонера—это отсутствіе средствъ въ миссіи, не дающее возможности дѣлать святое миссіонерское дѣло, возвращать отпадшихъ въ лоно Святой Православной Церкви и объединять ихъ духовно.

Положеніе такое ужасное,—что могу сказать:—я не пьяница и въ ротъ никогда водки не беру, но понимаю тѣхъ несчастныхъ, которые, чувствуя упреки совѣсти и сознаніе своей безпомощности, хотятъ утопить въ винѣ свое сознаніе.

* * *

Великое доброе дѣло будетъ сдѣлано, если Господь поможетъ осуществиться желаніямъ камчатскихъ миссіонеровъ, а главное—тѣмъ же желаніямъ и крещеныхъ туземцевъ, еще пока, по милости Божіей, не отпадшихъ отъ Св. Церкви.

Желанія эти заключаются въ томъ, чтобы на опредѣленныхъ уже пунктахъ миссіонерскаго района поставить 4 часовни и двѣ церкви для болѣе частаго служенія среди инородцевъ.

Согласитесь, возлюбленные братіе, что не всегда можно служить безпрерывно по 4—6 часовъ и болѣе и совершать требы—и браки, крещеніе, причащеніе и т. д. въ холодной воздушной юртѣ тунгусовъ: тому препятствуютъ и буйный вѣтеръ, срывающій подвижныя—тряпичныя стѣны юрты, и снѣжный буранъ, забрасывающій открытыя жилища, и дымъ отъ горящаго среди юрты костра разъѣдаетъ до боли горло и глаза, и, наконецъ, лютые морозы не даютъ возможности спокойно молиться Богу и причащать 200—400 человѣкъ, а подчасъ и Св. Дары замерзаютъ. Всѣ эти обстоятельства лишаютъ возможности миссіонера вести продолжительныя бесѣды съ инородцами, и трудно въ такомъ холодѣ отогрѣвать Божіимъ словомъ закоченѣлыя души крещенцевъ и язычниковъ.

* * *

Наконецъ, дорогіе братіе, имѣйте въ виду, что въ то время, какъ русскіе миссіонеры 2—3 человѣка являются единственными работниками въ укрѣпленіи Камчатки за Россіей, японцы со всѣхъ сторонъ охватили ее и подчиняютъ своему вліянію.

Такъ, нѣкоторые камчадалы и туземцы говорятъ, «что японцы намъ братья, и хотя

берутъ у насъ рыбу и пушнину, но и намъ помогаютъ».

Если русское имя будетъ любимо на Камчаткѣ, если туземцы сердцемъ своимъ почуютъ заботу о нихъ со стороны русскихъ людей, то они останутся преданными сынами Россіи; если этого не будетъ, то первый толчокъ со стороны Японіи заставитъ камчатскихъ туземцевъ всецѣло подчиниться своимъ ближайшимъ сильнымъ сосѣдямъ.

А сосѣди уже протянули свои цѣпкія руки къ нашей Камчаткѣ.

Все это и подвигло моего Святителя Владивостокскаго и Камчатскаго Архіепископа Евсевія послать меня, меньшаго въ братіи моей, доложить русскимъ людямъ о томъ, что для нихъ и для ихъ чуткаго сердца Господь еще не закрылъ великое поле для дѣятельности.

Кто можетъ идти съ апостольскимъ служеніемъ на далекую окраину, тотъ пусть идетъ туда,—дѣло найдется всѣмъ: и врачу душъ, и врачамъ тѣлеснымъ, и учителямъ, и сестрамъ милосердія, а кто не можетъ идти, тотъ пусть поможетъ хотя тѣмъ немногимъ нынѣшнимъ дѣятелямъ миссіи, кого Богъ туда уже послалъ, и пусть такой

человѣкъ помнитъ слово Христово: «Пріемляй пророка во имя пророка, мзду пророчу пріемлетъ». (Матѳ. X, 41).

* * *

P. S. Возлюбленные братіе, будьте милостивы къ намъ и не осудите хотя вы насъ.

Насъ многіе упрекаютъ за то, что мы просимъ Матушку-Россію усыновить своей любовью и заботами ея забытаго, отброшеннаго пасынка,—убогую Камчатку.

Намъ отвѣчаютъ, что здѣсь, въ Россіи, въ каждомъ городѣ своя Камчатка, что много своего дѣла и горя; насъ укоряютъ, что мы бросили свое русское дѣло и уходимъ куда-то, въ какую-то, Богъ знаетъ, далекую Камчатку, къ дикарямъ-язычникамъ.

Но простите, дорогіе братіе. Во-первыхъ, дикари—язычники—«дѣти природы», имѣютъ *тоже душу человѣческую, они даже всѣ «добродушны», но они язычники, они не знаютъ Христа, а Христосъ всѣмъ намъ, знающимъ Его, заповѣдалъ: «Идите и научите всѣ языки и крестите ихъ во Имя Божіе»*; затѣмъ *жаль камчатскихъ туземцевъ, какъ людей болѣзненныхъ, голодныхъ и совершенно безпомощныхъ и, наконецъ, они не толь-*

ко наши братья, но и вѣрноподданные слуги Русскаго Бѣлаго Царя.

Если же вы находите насъ, немощныхъ, непригодными къ просвѣщенію и обрусенію камчатскихъ туземцевъ и къ укрѣпленію Камчатки за Россіей, то мы, хотя не безъ скорби, но покорно готовы отойти въ сторону на другое дѣло, а если Богъ велитъ еще возвратиться на Камчатку, то что прикажете, добрые русскіе люди, передать отъ васъ туземцамъ-камчадаламъ? Вѣдь они ждутъ насъ съ отвѣтомъ.

Позвольте же имъ сказать, что святая русь не забыла ихъ, что Матушка-Россія не считаетъ ихъ пасынками, что ихъ болѣзненные вопли находятъ себѣ откликъ въ добрыхъ русскихъ сердцахъ. Проще говоря, позвольте увѣрить ихъ, что вы ихъ любите и готовы помогать имъ. А вашу любовь сторицею вознаградитъ Господь: аще кто напоитъ чашею воды, не погубитъ мзды своея!.. (Мр. IX, 41).

Братіе, Христосъ посредѣ насъ! И да согрѣетъ Онъ сердца наши любовью къ братіи нашей меньшей, и да познаютъ и они, несчастные, любовь, ею же Господь возлюбилъ насъ.

Іеромонахъ Несторъ,

Камчатскій миссіонеръ.

ЗАПИСКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА ІЕРОМОНАХА НЕСТОРА.

ПЕРВАЯ ЗАПИСКА ИЗЪ МОЕГО ДНЕВНИКА.

Спасительный ночлегъ.

1911 г. я и мои спутники, 4 коряка, должны были пріѣхать въ с. Гижигу, до которой оставалось не болѣе 60 верстъ. Неожиданный снѣжный ураганъ застигъ насъ въ дорогѣ, но случайная встрѣча небольшой изгороди, на подобіе землянки, насъ загнала туда, гдѣ мы отсиживались съ 24 до 31-го января. Во все это время бушевала непроглядная пурга. Къ несчастію, съ нами не было никакой абсолютно провизіи, лишь только остатки собачьяго корма, и тотъ уже кончался. Голодъ терпѣли и мы—люди, и собаки. Когда была возможность разложить костеръ, то коряки кипятили снѣгъ на кострѣ и питались деревомъ талиной «яый». Я пробовалъ поѣсть этой мерзлой строганой талины, но много ѣсть все-же и въ голодъ не рѣшился. Такъ сидѣли мы въ изгороди или юрточкѣ уже пятый день, а просвѣту

нѣтъ. Я лежалъ на землѣ юрты въ полномъ изнеможенiи и страдалъ ногами и руками отъ ревматической боли, хотя могъ лежа пѣть и читать акаѳисты, чѣмъ и утѣшался. Добрый корякъ, язычникъ *Мелитка* оттиралъ мои закоченѣлыя и опухшiя ноги и ободрялъ меня, какъ вдругъ одинъ изъ моихъ спутниковъ—корякъ, выглянувъ изъ юрты, закричалъ: «Ванька казакъ прiѣхалъ». Я забылъ о своей болѣзни и отъ радости выползъ изъ юрты и кричалъ казаку: «дай, Христа ради, хлѣба»! А мнѣ отвѣчалъ казакъ: «погоди, батюшка, прежде благослови меня, я уже съ тобой два года не встрѣчался, а потомъ и хлѣба дамъ».

Но я, позабывъ въ данный моментъ слово Божiе: «не о хлѣбѣ единомъ человѣкъ живъ будетъ, но всякимъ Божiимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Его», и, испытывая мучительный голодъ, продолжалъ кричать: «нѣтъ, прежде дай хлѣба, а потомъ благословлю». Итакъ, послѣ радушнѣйшихъ привѣтствiй, мы были накормлены ухой, хлѣбомъ и чаемъ. Съ этимъ добрымъ и весьма набожнымъ камчатскимъ казачкомъ сидѣли мы еще $2^1/_2$ дня, но уже мнѣ было такъ тепло и хорошо, что при болѣзни ногъ и полномъ изнеможе-

нiи я изъявлялъ почти не шутя согласiе тутъ поселиться. Казакъ Иванъ устроилъ мнѣ теплый пологъ изъ брезента и дѣлалъ массажъ моимъ ногамъ. 31-го янв. я собрался съ силами и, полулежа въ этой изгороди, отслужилъ съ акаѳистомъ молебенъ Спасителю, а коряки-язычники, наши спутники, всю службу стояли съ благоговѣнiемъ на колѣнахъ и говорили потомъ, что свѣтлый Богъ послалъ хорошую погоду. Юрточка была украшена бумажными иконами и множествомъ восковыхъ свѣчей, бывшихъ со мною. Казакъ былъ моимъ пѣвчимъ и пономаремъ. Послѣ службы мы имѣли совершенно свѣтлое и праздничное настроенiе, а чрезъ полтора часа и погода прояснилась. Трогательно простились мы съ казакомъ—моимъ спасителемъ и поѣхали въ разныя стороны. Я въ Гижигу, а казакъ—пятидесятникъ Ив. Падеринъ изъ Гижиги въ бухту барона Корфа, гдѣ онъ постоянно проживаетъ и даже учитъ корякъ молиться Богу. За спасенiе нашей жизни, по моему представленiю, Совѣтъ Камчатскаго Братства наградилъ этого казака братскимъ крестомъ третьей степени.

Iеромонахъ Несторъ,

Камчатскiй миссiонеръ.

ВТОРАЯ ЗАПИСКА ИЗЪ МОЕГО ДНЕВНИКА.

Страшная Анапка.

При долгихъ путешествіяхъ моихъ по снѣжной камчатской пустынѣ, иногда приходится продолжительное время сидѣть подъ снѣгомъ, будучи застигнутымъ снѣжнымъ ураганомъ. Такъ почти пять сутокъ пришлось сидѣть мнѣ занесеннымъ снѣгомъ на р. *Анапкѣ*. Рѣка Анапка и та мѣстность Анапка, гдѣ рѣдкій проѣзжающій путникъ не подвергается тяжкимъ истязаніямъ отъ непрерывно бушующихъ тамъ снѣжныхъ урагановъ, отстоитъ въ 100 верстахъ отъ сел. Кичиги. Причина безпрерывныхъ ураганов и бурь является самое узкое сквозное мѣсто на Камч. полуостровѣ между двумя рѣками, впадающими въ море, Пустой и Анапкой. Въ 1911 г. въ мартѣ мѣсяцѣ, я и мои спутники коряки подвергались тяжелымъ опасностямъ на Анапкѣ—мы видѣли тогда, можно сказать, смерть лицомъ къ лицу, но безмѣрная милость Божія спасла насъ. Ѣхали мы на оленяхъ, но поднявшаяся пурга раздѣлила насъ на огромное разстояніе; олени выбились изъ силъ и отъ голода падали. Когда непогода бушевала во всю силу, мы были занесены снѣгомъ и лежали подъ снѣгомъ

безпомощные. Подвода наша съ провизіей потерялась, и пришлось сидѣть всѣ эти дни абсолютнымъ голодомъ, не высовывая ни на секунду носа изъ мѣховой куклянки и не имѣя возможности передвинуться. Морозъ при этомъ былъ настолько силенъ, что руки и ноги, обутыя въ мѣха, коченѣли. Двое сутокъ кричалъ я о помощи и звалъ своего возницу «каюра», но не было никакого отвѣта, кромѣ воя злѣйшаго свирѣпаго вѣтра. Каюръ отправился искать подводу съ пищей и потерялъ меня. Когда пурга начала стихать, онъ возвратился съ провизіей, но жалкій видъ его и судороги отъ голода и холода вызвали у меня на глазахъ новыя слезы, которыя застывшими ледяными каплями осыпали мою *камлею*. Послѣднее несчастіе заключалось въ томъ, что воспаленіе рта и окоченѣлость рукъ не давали возможности мнѣ утолить голодъ ни сухаремъ, ни мерзлой рыбой, незнаніе корякскаго слова «размягчить, разжевать» заставили меня просить коряка насыпать провизіи въ рукавъ моей куклянки, но пока пища оттаивала и нагрѣвалась, пронесло ураганъ и наступило время нашего спасенія. Каковъ былъ нашъ ужасъ, когда, послѣ урагана, мы увидѣли съ одной стороны неподалеку крутой обрывъ въ море, очистившееся бушевавшимъ вѣтромъ ото льда, а съ другой—жилую олен-

ную корякскую юрту. То были самые мучительные дни въ моей жизни. Сидя безъ движенія около 5 дней, не имѣя пищи кромѣ снѣга и т. д., я поневолѣ примирился съ мыслью о смерти, думая, что мои спутники и олени уже гдѣ-либо давно померзли. Простившись мысленно со всѣмъ міромъ и прочитавъ себѣ отходную, я ожидалъ скорѣе одного конца на этой страшной Анапкѣ.

Но Богъ помиловалъ насъ и спасъ нашу жизнь.

Іеромонахъ Несторъ,

Камчатскій миссіонеръ.

ТРЕТЬЯ ЗАПИСКА ИЗЪ МОЕГО ДНЕВНИКА.

Паратунскіе горячіе ключи.

Въ связи съ широкимъ распространеніемъ въ Камч. обл. вулканической почвы, находится значительное количество въ Камчаткѣ горячихъ минеральныхъ ключей.

Одни ключи и горячія озера находятся вблизи селеній, а другіе бываютъ доступны только зимой случайнымъ охотникамъ на соболя. Температура ключей не равная, т. к. ихъ нѣсколько источниковъ и озеръ. Температура отъ 25°—45°—81° Ц. Въ 35 вер-

стахъ отъ Петропавловска существуютъ горячіе Паратунскіе ключи.

Анализъ Паратунскихъ ключей сѣрно-известковыхъ и сѣрно-натровыхъ солей. Больные купаются во всякое время года и при всякой температурѣ въ воздухѣ. Постоянный теплый и горячій паръ надъ ключами не даетъ охлаждаться головѣ. Такъ при исключительно тяжелыхъ условіяхъ жизни на Камчаткѣ, гдѣ подчасъ нѣтъ и медицинской помощи, сама природа, какъ бы сострадая больнымъ, даетъ имъ своими горячими минеральными источниками помощь и облегченіе.

Надъ самымъ озеромъ возвышается небольшой св. храмъ во имя Живоноснаго Источника Божіей Матери (престолъ въ пятницу на Пасхѣ). Священника при семъ храмѣ постояннаго нѣтъ. Нынѣшній престольный праздникъ, въ пятницу на Святой Пасхѣ, я служилъ тамъ литургію, освящалъ Паратунскіе цѣлебные ключи и водрузилъ св. крестъ возлѣ ключей въ надеждѣ на устройство тамъ св. обители милосердія.

Подобныхъ ключей по Камчаткѣ немало, но, къ сожаленію, всѣ они запущены и заброшены, а можно было бы устроить въ дѣй-

ствительности скромные курорты для несчастныхъ, заброшенныхъ повсюду въ Камчаткѣ, больныхъ. Мнѣ приходилось неоднократно весной и среди суровой зимы и морозовъ подъ открытымъ небомъ купаться въ цѣлебныхъ ключахъ, и дѣйствительно я тогда получалъ временное облегченіе отъ своего камчатскаго ревматизма.

Привожу таблицу положенія камчатскихъ минеральныхъ ключей съ указаніемъ на близъ лежащіе вулканы и температуру воды.

Іеромонахъ Несторъ,

Камчатскій миссіонеръ.

Ключи.	Сѣверн. широта.		Восточ. долгота отъ Гринвича.		Температура Ц. въ градусахъ.	Ближайшіе вулканы.	Анализъ.
	°	′	°	′			
Явинъ.	51	26	156	16	81	Сопки Озерная и Камбальная.	Преобладаніе кремневой кислоты и хлорист. натра.
Голыгинъ	52	00	156	55	—	Сопка Голыгинская.	Угле-известковые.
Банный.	52	45	158	25	3—100	С. Вилючинская, Асача и Опальная.	Кремневой кислоты и сѣрнокислаго натра.
Апача.	53	00	157	30	72,5	С. Опальная, Вилючинская.	Съ сѣрнокислымъ натромъ.
Начики.	53	07	158	20	70	С. Коряцкая.	Съ сѣрнокислымъ натромъ.
Паратунка	53	00	158	25	25; 45 и 81	С. Вилючинская, Асача.	Съ сѣрноизвестковыми солями, углекисл. натра.
Малка.	53	24	158	03	71—82,2	С. Коряцкая, Бенникенъ.	
Жупановъ	53	43	159	18	—	С. Жупанова.	—
Семячикъ	54	10	159	40	—	С. Жупанова, Кронопкая, двѣ Семячикъ.	—
Усонъ.	54	42	160	10	—	С. Усонъ.	—
Киреунъ.	56	14	160	00	—	С. Б.-Толбачикъ и Ключевская.	Сѣрно-щелочн. соли и поваренная соль.
Сѣданка.	57	15	160	00	—	С. Двухъюртная и Безымянный вулканъ.	—
Ука.	58	16	161	18	—	С. Шевелючъ.	Сѣрно-известковыя воды.
Русаковъ.	59	00	162	00	—	—	—

Іеромонахъ Несторъ.

ЧЕТВЕРТАЯ ЗАПИСКА ИЗЪ МОЕГО ДНЕВНИКА.

Таватомскіе ключи.

Рѣка Таватома впадаетъ въ Гижигинскую губу. Близъ этой рѣки находятся горячіе 45° сѣрно-кислаго натра ключи, въ которыхъ я купался въ февралѣ м. 1909 г. По близости этихъ ключей живутъ тунгусы, и многіе изъ нихъ больные купаются въ Таватомскихъ ключахъ, а также въ весеннее время туда ѣздятъ купаться гижигинцы. Воды эти больные пьютъ. Возлѣ самой горы протекаетъ источникъ горячей воды. По проложеннымъ желобамъ вода стекаетъ въ деревянную загородку, гдѣ стоитъ одна оцинкованная, а другая деревянная ванна. Здѣсь купается болящая интеллигенція, а тунгусы на морозѣ.

Іеромонахъ Несторъ,
Камчатскій миссіонеръ.

ПЯТАЯ ЗАПИСКА ИЗЪ МОЕГО ДНЕВНИКА.

Сожженіе умершихъ корякъ-язычниковъ.

Язычники коряки сожигаютъ на кострѣ тѣла умершихъ людей. Вмѣстѣ съ умершимъ на костеръ кладется все, что служило человѣку при жизни: напр., табакъ, сумочка съ

пищей, лукъ, стрѣлы, копье, лыжи и т. д. Тяжелое впечатлѣніе производитъ подготовленіе къ сожженію. Въ юрту, гдѣ случится умершій, сходятся всѣ сродники и знакомые. Умершаго кладутъ на полъ, покрываютъ его большимъ шаманскимъ бубномъ и, пока не соберутъ и не сошьютъ новую бѣлую мѣховую посмертную одежду, никто не смѣетъ лечь спать, хотя бы то было три и болѣе ночи. Но чтобы не было скучно и чтобы не дремалось, сродники садятся на полъ вокругъ умершаго и на его трупѣ на бубнѣ играютъ въ карты денно-нощно. Когда все готово къ сожженію, то трупъ подымаютъ на веревкѣ изъ подземной юрты чрезъ дымовую трубу и везутъ или несутъ (маленькаго) на костеръ. Костеръ раскладывается очень большой, и 2 женщины стоятъ на горящемъ кострѣ до тѣхъ поръ, пока пламя не коснется ихъ одежды. Во время горѣнія всѣ присутствующіе плачутъ, воютъ и кричатъ «атавхунъ», т. е. счастливый путь. Коряки вѣруютъ въ загробную жизнь и въ достойное воздаяніе за земную прожитую жизнь. По ихъ вѣрѣ умершій отправляется на охоту за соболемъ и сгоняетъ лучшаго соболя навстрѣчу охотникамъ, сродникамъ

*

умершаго. Если гремитъ громъ, то коряки говорятъ, что это умершіе бѣгаютъ на лыжахъ за соболемъ.

Мнѣ пришлось присутствовать при смерти, подготовленіи къ сожженію и при сожженіи корякскаго мальчика. Самое тяжелое впечатлѣніе на меня произвела слѣдующая картина изъ всего этого обряда.

Я не замѣтилъ при сожженіи младенца его матери, и на вопросъ, гдѣ она?—получилъ отвѣтъ, что она сидитъ въ юртѣ и ласкаетъ и кормитъ и заботится вмѣсто умершаго младенца о собаченкѣ, которую ей принесъ ея отецъ. Собаченка нѣкоторое время будетъ матери замѣнять малютку-дитя.

Вотъ какъ теменъ и достоинъ сожалѣнія этотъ дикій народъ! Да поможетъ Богъ миссіонерамъ скорѣе разогнать всю эту языческую тьму и суевѣрія! Да возсіяетъ свѣтъ Христовъ въ глуши далекой Камчатки.

Іеромонахъ Несторъ,
Камчатскій миссіонеръ.

ШЕСТАЯ ЗАПИСКА ИЗЪ МОЕГО ДНЕВНИКА.

Страшная эпидемія.

На рѣкѣ Камчаткѣ, на правомъ берегу, расположено селеніе Нижне-Камчатскъ.

Здѣсь въ семисотыхъ годахъ былъ городъ и крѣпость, но впослѣдствіи повторныя частыя и свирѣпыя эпидеміи оспы и кори уменьшили насельниковъ Камчатки почти на половину, и такимъ образомъ разорялись и опустошались города и поселки на Камчаткѣ. Послѣдняя тяжелая эпидемія кори на Камчаткѣ свирѣпствовала въ 1901 г. съ января мѣсяца, когда морозы доходили до 55° и были снѣжныя пурги. Болѣли поголовно всѣ: и старый, и малый, умирали болѣе взрослые и старики. Такъ, напримѣръ, въ с. Гижигѣ умерло свыше 200 человѣкъ. Умершихъ складывали въ общіе дома, гдѣ уже вымирала вся семья, и трупы три мѣсяца лежали въ домахъ закоченѣлыми. Въ мартѣ мѣсяцѣ была растоплена общая могила, и всѣхъ умершихъ безъ гробовъ похоронили тамъ. На сѣверѣ Камчатки могилы вырыть нѣтъ возможности, т. к. даже лѣтомъ земля оттаиваетъ на полъаршина.

Могилы обыкновенно растапливаютъ боль-

шимъ костромъ, и на это требуется не менѣе недѣли, а то и болѣе, т. к. внезапно поднявшаяся метель заноситъ снова могилу. Тяжелую картину передаютъ гижигинцы въ бывшую повальную корь 1901 г.

Въ одномъ домѣ умерли отъ кори. отецъ, мать, братья, сестры и др. сродники. Трупы лежали на полу и на кровати, и тутъ же, на кровати, сидѣлъ малютка, покрытый корью, голодный и закоченѣлый, онъ прижимался къ умершей матери и старался ее разбудить.

Іеромонахъ Несторъ,

Камчатскій миссіонеръ.

СЕДЬМАЯ ЗАПИСКА ИЗЪ МОЕГО ДНЕВНИКА.

Юкола.

Камчадалы устраиваютъ навѣсы, или балаганы для развѣшиванія свѣжей рыбы, изъ которой приготовляютъ юколу. Юкола — самое распространенное и по мѣстнымъ условіямъ удобное кушанье для людей и собакъ. Для приготовленія юколы пойманную рыбу распластываютъ на землѣ такъ, что срѣзаютъ брюшной плавникъ и лоскутъ брюха (по мѣстному это отдѣльное блюдо назы-

вается пупкомъ и считается деликатесомъ). Затѣмъ, вдоль позвоночнаго столба отъ головы снимаютъ двѣ пластины бочковъ, но не раздѣляя ихъ у хвоста. Затѣмъ эти пластины рыбъ вѣшаютъ подъ навѣсы для подвяливанія и просушки. Мною замѣчено слѣдующее явленіе отъ употребленія въ пищу этой вяленой юколы, лежащей на открытомъ воздухѣ и усѣянной всегда разными мухами, свивающими себѣ гнѣзда на юколѣ. Люди въ большинствѣ случаевъ на Камчаткѣ страдаютъ отъ глистовъ, и страдаютъ особенно и исключительно. Худѣютъ, сохнутъ, постоянно жалуются на боли то въ боку, то говорятъ «*нутро*» болитъ (значитъ, желудокъ и кишечникъ), становятся необычайно нервными, припадочными и «*имирячатъ*», т. е. отъ испуга кричатъ то, что у нихъ на умѣ только есть, или, не помня себя, пускаются въ плясъ, поютъ, словомъ, безотчетно могутъ выполнить во время испуга то, что бы имъ ни приказать, и только чрезъ нѣкоторое время, прійдя въ себя, плачутъ и извиняются предъ посторонними, не сознавая сами, что дѣлали. Я нахожу, что это явленіе всецѣло зависитъ отъ юколы, которая, вися на воздухѣ при вяленьи, зара-

жается всякими вредными микробами и разводитъ особаго мучительнаго глиста.

Іеромонахъ Несторъ,

Камчатскій миссіонеръ.

ВОСЬМАЯ ЗАПИСКА ИЗЪ МОЕГО ДНЕВНИКА.

Замѣчательная птица «Ара».

При входѣ въ Авачинскую губу, виднѣются высокіе утесы, называемые «Три брата», а за ними еще выступаетъ одинокій утесъ, который называется «Монахомъ». На этихъ утесахъ всегда бываетъ много чаекъ и морскихъ утокъ. Въ гижигинской губѣ на подобныхъ утесахъ въ неисчислимомъ количествѣ обрѣтается птица «*Ара*». Птица эта замѣчательна своей кладкой яицъ. Яйца ара кладетъ на самыхъ опасныхъ мѣстахъ, на обрывахъ и утесахъ, такъ что желающій добыть яйца Ары рискуетъ поплатиться своей жизнью, ибо легко оборваться съ утеса и упасть въ море. Яйцо ары размѣромъ съ гусиное, одинъ конецъ сильно заостренъ. Самый интересъ заключается въ окраскѣ скорлупы арьяго яйца. Какова была погода, или, точнѣе, каково было небо въ моментъ кладки яицъ, такова и окраска яйца. Если

погода была ясная и небо совершенно безоблачное, голубое, то и скорлупа яйца голубая-небесная, если было пасмурно, и небо покрыто сѣрыми облаками или тучами, то и яйцо сѣрое, если небо пятнистое—и яйцо такое же, наконецъ, если ярко-красный закатъ солнца, то и скорлупа яйца красноватаго цвѣта. Бѣлокъ мутно-голубого цвѣта, а желтокъ кирпичнаго, напоминающаго даже кровь. Яйца эти, подобно куринымъ, употребляются въ пищу. Птица Ара величиной съ морскую дикую утку и съ голубымъ хвостомъ.

Іеромонахъ Несторъ,

Камчатскій миссіонеръ.

ДЕВЯТАЯ ЗАПИСКА ИЗЪ МОЕГО ДНЕВНИКА.

Страшный штормъ.

За Шантарскими островами въ Удскомъ уѣздѣ, близъ мыса Чумиканъ, расположено селеніе Чумиканъ.

Топкая, илистая почва поселка Чумикана представляется непроходимой даже въ сухое время года. На обширномъ протяженіи нѣтъ ни пастбища для скота, ни удобнаго мѣста для огородовъ. Климатъ имѣетъ всѣ невыгодныя для жилья условія: весна отли-

чается сплошными густыми и холодными туманами, вслѣдствіе застоя льдинъ между Шантарскими островами; въ началѣ лѣта туманы чередуются съ проливными дождями; осенью, до наступленія холодныхъ западныхъ вѣтровъ, туманы не покидаютъ злополучнаго уголка; наконецъ съ наступленіемъ зимы, наступаетъ время пурги и метелей. Эти послѣднія бываютъ настолько сильны, что заносятъ избушки и прерываютъ всякое сообщеніе между ними.

Казаки и осѣдлые тунгусы составляютъ населеніе Чумикана; здѣсь насчитывается до 15 жилыхъ построекъ. Казенный полусгнившій провіантскій магазинъ и часовня, съ жалкой внутренней обстановкой,—вотъ незавидная картина Чумикана. Большею частію это жалкія грязныя избушки казаковъ, и убогія, деревянныя, обложенныя землей, юрты пѣшихъ тунгусовъ. Число жителей осѣдлыхъ около 100. Лѣтомъ какъ здѣсь, такъ и по р. Тугуру появляются оленные тунгусы для рыбнаго промысла. Такъ какъ овощи въ Чумиканѣ не родятся, то единственнымъ пропитаніемъ служитъ рыба, нерпа, олень и медвѣдь.

Чумиканъ хотя и принадлежитъ влади-

востокской епархіи, но его мѣстоположеніе таково, что въ лѣтнее время духовныя нужды его обслуживаетъ владивостокская епархія, а зимой или якутская, или благовѣщенская.

Чумиканъ для меня и, вѣроятно, для многихъ моихъ спутниковъ останется надолго въ памяти.

Въ 1909 году, объѣзжая Охотско-Камчатское побережье на морскомъ суднѣ, я рѣшился съѣхать въ с. Чумиканъ, чтобы тамъ въ часовнѣ отслужить молебенъ. Погода благопріятствовала нашей поѣздкѣ въ катерѣ на Чумиканъ, и компанія составилась изъ пассажировъ большая, такъ что, сколько катеръ могъ вмѣстить, столько и поѣхало публики.

На берегу былъ отслуженъ молебенъ, побесѣдовали съ насельниками Чумикана, и т. к. начинался морской отливъ, то мы должны были поспѣшить выйти на катерѣ изъ рѣчки. Пока мы проплывали рѣчку, еще не было и признаковъ того несчастія, которое черезъ 10 минутъ насъ постигло. До нашего парохода, стоявшаго въ открытомъ морѣ, намъ оставалось ходу минутъ 20, какъ вдругъ поднялся сильный вѣтеръ, туманъ

скрылъ отъ насъ пароходъ, и постепенно разразился ужасный штормъ. Пассажиры всѣ лежали въ свалку на полу маленькаго катера и тяжело страдали морской болѣзнью, изъ которыхъ болѣе всѣхъ, даже до крови, мучился я, не переносящій ни малѣйшей качки. Ко всему этому всѣ продрогли, т. к. при отправленіи въ Чумиканъ былъ солнечный, тихій, теплый августовскій день, и пассажиры одѣлись въ легкіе костюмы.

Сила шторма заставила нашъ пароходъ уйти совершенно въ открытое море, гдѣ ему уже не грозила опасность отъ подводныхъ камней. А нашъ катеръ, подобно щепкѣ, бросало разъяренными волнами изъ стороны въ сторону, волны вливались въ катеръ, заливали насъ и машину. Наконецъ, послѣ долгой борьбы съ волнами, команда обезсилѣла, каменный уголь истощился, прѣсная вода кончилась, и послѣднія спички сожгли для поджога рубашекъ и платковъ въ надеждѣ,—не замѣтятъ ли нашъ огонь съ парохода и не окажутъ ли намъ помощь. Но все было напрасно.

Темная ночь, непроглядная, безпрерывный холодный дождь и гигантскія волны насъ мучили. Даже люди маловѣрные и непони-

мающіе смысла молитвы, горячо молились Богу и давали всякія обѣщанія, только бы быть скорѣе спасенными. У плывшихъ съ нами гиляковъ потонули дорогія охотничьи собаки. И такъ, промучившись до крайности въ продолженіе 19 часовъ, мы были приняты на пароходъ при громкихъ радостныхъ крикахъ: «ура—спасены.»

Іеромонахъ Несторъ,

Камчатскій миссіонеръ.

ДЕСЯТАЯ ЗАПИСКА ИЗЪ МОЕГО ДНЕВНИКА.

Камчатская собака.

Какъ ѣздовая, такъ и охотничья собака на Камчаткѣ имѣютъ большую цѣну, т. к. онѣ кормятъ своихъ хозяевъ, а при ѣздѣ замѣняютъ лошадь. Камчатскія собаки весьма умныя и смышленныя, а также отличаются чуткостью. Напримѣръ, во время большихъ переѣздовъ по незнакомой для путниковъ дорогѣ слѣдуетъ болѣе полагаться на волю собакъ, которыя, предчувствуя въ дальнѣйшемъ пути какую-либо опасность, не пойдутъ той дорогой, а свернутъ въ сторону. Такъ было со мной во время дальнихъ пу-

тешествій минувшей зимой 1911 г. Желая попасть въ жилыя юрты до поздней ночи, мы, (я съ коряками) поспѣшили поѣхать съ ночлега ранѣе, но когда начались сумерки, слѣды дороги исчезли изъ глазъ моего проводника каюра, и онъ долженъ былъ ѣхать по предположенію, что путь лежитъ вправо, а собаки тянутъ совсѣмъ въ противную сторону—влѣво. Завязалась борьба каюра съ собаками. Онъ началъ ихъ бить палкой (остоломъ) и кричать на нихъ за неповиновеніе, а собаки выли отъ сильныхъ ударовъ палкой, но продолжали тянуть потегъ влѣво. Пока не вмѣшался я, битва не кончилась, но все же каюръ поставилъ на своемъ и погналъ собакъ противъ ихъ желанія въ правую сторону. Предъ нами виднѣлась безпредѣльная снѣжная равнина. Собаки, позабывъ недавнюю встрепку, весело бѣжали по ровному, бѣлому, пушистому снѣгу, какъ вдругъ въ одинъ моментъ мы очутились въ оврагѣ глубиной 25 футовъ, за нами полетѣла другая и третья подвода. Моментъ, когда мы летѣли, даже не былъ замѣченъ нами, но когда насъ всадило въ глубочайшій рыхлый снѣгъ, тутъ мы очнулись. Къ счастью, большой снѣжный сугробъ спасъ насъ отъ могу-

щей быть серьезной катастрофы. Наша нарта немножко поломалась, а мы отдѣлались легкими ушибами отъ быстраго сотрясенія. Вотъ, сидя въ позднюю ночь въ этой глубокой ямѣ, мой каюръ-корякъ и раскаивался за непослушаніе умнымъ собачкамъ. Выбраться изъ этого глубокаго крутого оврага было весьма не легко. Сначала съ большими усиліями выбрался одинъ корякъ и началъ манить юколой изъ оврага голодныхъ собакъ, держа въ рукахъ одинъ конецъ ремня, на который были привязаны собаки съ нартой. Собаки подняли неистовый вой и, желая утолить мучительный голодъ, полѣзли по крутому подъему кверху, каюръ ихъ тянулъ, показывая юколу, а остальные коряки помогали собачкамъ поднимать по утесу нарту. Такъ постепенно были вытащены съ большими усиліями всѣ собаки съ нартами, а напослѣдокъ меня прицѣпили къ ремню и потащили кверху, и я съ полнымъ послушаніемъ и смиреніемъ перенесъ всѣ толчки, обвалы снѣга и т. д., и даже для ободренія корякъ похвалилъ ихъ и поблагодарилъ.

Іеромонахъ Несторъ,

Камчатскій миссіонеръ.

ОДИННАДЦАТАЯ ЗАПИСКА ИЗЪ МОЕГО ДНЕВНИКА.

Моя встрѣча съ купцами.

Купецъ Адолинъ, совмѣстно съ другимъ путникомъ, минувшей зимой былъ вынужденъ, просидѣвъ подъ снѣгомъ 12 дней, убивать и ѣсть сырыхъ собакъ.

Разсчитавъ, что черезъ 3—4 часа эти два путника будутъ дома въ Гижигѣ, они выѣхали изъ корякскаго острожка налегкѣ, безъ провизіи и безъ теплой одежды, но поднявшаяся неожиданно снѣжная пурга ихъ застигла въ снѣжной пустынѣ и продержала подъ снѣгомъ 12 сутокъ.

Страданія, мученія, голодъ, холодъ, тоска и предсмертное томленіе всѣмъ понятны и безъ описанія. Наконецъ, голодъ взялъ свое. Путники, имѣя съ собой ножъ, зарѣзали 10 собакъ, изъ которыхъ 5 съѣли сами, а 5 другихъ скормили голодными, жалобно воющими собаками.

Вотъ эта рѣшимость ѣсть собакъ и спасла ихъ жизнь. При моей встрѣчѣ съ этими путниками, по ихъ просьбѣ, я давалъ имъ очистительную молитву отъ скверноядения.

Іеромонахъ Несторъ,
Камчатскій миссіонеръ.

ДВѢНАДЦАТАЯ ЗАПИСКА ИЗЪ МОЕГО ДНЕВНИКА.

Историческое мѣсто на Ключахъ.

Въ періодъ времени зимняго объѣзда Камчатской области, мною избрано мѣсто подъ монастырь въ долинѣ рѣки Камчатки, гдѣ уже въ 18 столѣтіи существовалъ первый камчатскій монастырь, основанный первымъ миссіонеромъ камчатскимъ, архимандритомъ Мартиніаномъ и монахомъ Игнатіемъ Козыревскимъ. На мѣстѣ бывшей первой камчатской Никольской церкви и по сіе время стоитъ крестъ въ оградѣ, и мѣсто это носитъ названіе *«Монастырь». По берегу незамерзающей рѣки Ключевой,* пустующій участокъ земли на протяженіи 5 верстъ и понынѣ подраздѣляется на различныя названія, дающія возможность безошибочно опредѣлить мѣста существовавшихъ именно здѣсь монастыря и казачьей крѣпости. Такъ, послѣ участка земли, именуемаго «Монастырь», слѣдуетъ: 1) Пелочъ, 2) Казармы, 3) Конюшни, 4) Банюшки, 5) Балаганы для рыбы (навѣсы), 6) Мельница (остатки видны въ водѣ), 7) Вершины Ключа и 8) Баты.

Жители Ключевскаго селенія и ближайшихъ заимокъ круглый годъ промышляютъ

для себя и для собакъ рыбу въ незамерзающихъ Ключахъ.

19-го декабря 1910 года я ѣздилъ на собакахъ изъ с. Ключей для осмотра вышеписаннаго участка земли и рѣки Ключей для монастыря и видѣлъ, какъ рыба кижучъ шла сплошной стѣной, а всѣ заливы (по очертаніямъ ковшеобразные) представляли изъ себя какъ бы огромный чанъ или котелъ, въ которомъ кишитъ не одинъ десятокъ тысячъ рыбы. Ключевскіе крестьяне, забредя въ непромокаемыхъ шарахъ (сапогахъ) въ воду,—бьютъ рыбу палками и баграми и выбрасываютъ ее на нарту.

Въ іюлѣ и августѣ въ р. Ключахъ появляется рыба азабачъ (красная), съ сентября по февраль кижучъ, постоянная рыба—гольцы. Бываетъ также застойная рыба, т. е. застаивающаяся въ протокахъ. Чавыча и другая морская рыба промышляется въ р. Камчаткѣ въ 15 верстахъ отъ сел. Ключей.

Мѣстность бывшаго монастыря покрыта невысокимъ березнякомъ, а строевой лѣсъ (7—9 саж.) лиственница, топольникъ, береза и ель есть на 30—50 верстъ отъ с. Ключей (сплавъ удобный по р. Камчаткѣ).

Съ Усть-Камчатска до Ключей и Толба-

чика ходитъ катеръ Камчатскаго Торгово-Промышленнаго Общества. Земля по долинѣ р. Камчатки и на мѣстѣ, избранномъ подъ монастырь, плодородная, особенно корнеплодные овощи произрастаютъ хорошіе. Тамъ сѣется ячмень, конопля. Пчеловодство тоже привилось.

Помолившись Богу, 27 марта 1911 г., нѣкоторые ключевцы и представители духовной, полицейской и сельской власти отправились на собакахъ къ мѣсту, мною избранному подъ монастырь, для водруженія креста. Я отслужилъ молебенъ, окропилъ св. водою крестъ, землю и р. Ключи и тѣмъ молитвенно утвердилъ сіе мѣсто за будущей святою обителью Всемилостиваго Спаса и св. Алексія митрополита московскаго, Небеснаго покровителя Камчатки. Да будетъ воля Божія!

Іеромонахъ Несторъ,
Камчатскій миссіонеръ.

ТРИНАДЦАТАЯ ЗАПИСКА ИЗЪ МОЕГО ДНЕВНИКА.

Пасха въ колоніи прокаженныхъ.

Пребываніе на Камчаткѣ въ колоніи прокаженныхъ, въ дни Св. Пасхи, оставило не-

изгладимыя свѣтлыя воспоминанія на всю жизнь и въ моемъ сердцѣ, и въ добрыхъ сердцахъ страдальцевъ-прокаженныхъ. Вышеописанная встрѣча Св. Пасхи въ колоніи въ дѣйствительности была такова. Благочестивая сестра милосердія А. М. Урусова, отдавшая всю свою любовь, энергію и силы на служеніе несчастнымъ больнымъ темнымъ людямъ Камчатской обл., самоотверженно миссіонерствовала, трудилась и подвизалась два года среди тунгусовъ и корякъ, а третій годъ отдалась всецѣло служенію прокаженнымъ. Будучи всегда религіозно настроена, она съ успѣхомъ проповѣдывала вѣру Христову среди язычниковъ. Учила пѣть прокаженныхъ молитвы и службы церковныя. Подъ ея руководствомъ прокаженные пѣли Страстную и Пасхальную службы при моемъ служеніи. Въ колоніи ежедневно читались утреннія и вечернія молитвы, вычитывались часы, вечерня, утреня и акаѳисты.

Вообще сестрица не давала своимъ *«дѣтушкамъ»* прокаженнымъ быть праздными: въ свободное время она развлекала ихъ чтеніемъ, бесѣдой, дѣтей играми, вмѣстѣ работали они на своемъ огородѣ, ловили и засоливали

рыбу на зиму, катались на лодкѣ, ходили на лыжахъ, словомъ, не было времени унывать.

Если взять назадъ нѣсколько лѣтъ, то вспомнимъ, какъ жили эти прокаженные, не имѣя гдѣ главы преклонить, спали на полу, въ несмѣняемыхъ лохмотьяхъ, по ночамъ иногда были вынуждены отъ голода бѣгать въ Петропавловскъ просить или воровать пищу и т. д., но, слава Богу, все это кончилось съ пріѣздомъ на Камчатку сестеръ милосердія.

При разставаніи нынѣшнимъ лѣтомъ выѣхавшей въ Россію сестрицы, раздавались неутѣшные взаимные вопли и проливались строгорькія слезы. Потеряли несчастные страдальцы истинную, родную, любящую ихъ мать. Дай, Господи, чтобы она, набравшись силъ, вернулась къ несенію этого труднѣйшаго креста и была бы до конца жизни равноапостольной труженицей и избранницей Божіей на служеніе далекой Камчаткѣ.

Іеромонахъ Несторъ,

Камчатскій миссіонеръ.

Пасха на Камчаткѣ въ колоніи прокаженныхъ 1911 г. 10 апрѣля.

Въ Камчаткѣ, на краю вселенной,
Въ могильной тьмѣ земли забвенной,
Въ дали отъ міра,
Въ безмолвіи,
Подъ ризою ночной, украшенною яркими звѣздами,
Въ глуши, за кладбищемъ, въ снѣгахъ межъ моремъ и горами,
Въ предѣлахъ всякой скорби, живутъ отверженные люди.
Вотъ, съ этими духовными дѣтями,
Страдающими тѣломъ и костями
Отъ злой мучительной проказы, не знающихъ ни радостей,
Не видящихъ ничьей давно ужъ ласки,
Господь судилъ мнѣ съ ними встрѣтить Пасху.
Безъ храмовъ и безъ колокольныхъ звоновъ,
Безъ роскоши и безъ парчей нарядныхъ,
Безъ громкихъ шумныхъ хоровъ,
Безъ фейерверковъ и безъ толпы парадной,
Въ бѣленькой чистенькой хаткѣ,
Убожествомъ и нищетой богатой,
Тамъ прокаженные стояли съ возженными свѣчами.

Божій домъ молитвенный, украшенный огнями,
Сіяющіе взоры всѣхъ, исполненные умиленья,
Все это возвѣщало о наступившемъ днѣ—Христова
Воскресенья.
Въ ризѣ скромной, подъ завѣсою алтарной,*)
Съ настроеньемъ лучезарнымъ,
Со свѣчами и крестомъ,
Я воспѣлъ пѣснь у престола
Ту, что Ангелы на небѣ первые воспѣли.
Ихъ хваленья, ихъ молитвы въ сердца наши долетѣли:
Гимнъ прекрасный, гимнъ Воскресный
Въ грудь ударилъ прокаженнымъ,
И они, собравшись съ силой,
Гласомъ слабымъ, хриплымъ, изнуреннымъ,
Съ чистымъ сердцемъ, со слезами и съ смиреньемъ
полнымъ,
Позабывши муки и страданья, удержавъ болѣзней стоны,
И душою умиляясь, пѣли пѣснь Воскреснаго канона.
Отлучены свѣта, позабыты міромъ,
Обречены на страданья до могилы,
Эти люди—наши братья, Господа молили
О своихъ грѣхахъ, прощеньи, о Царѣ любимомъ и
о мирѣ всего міра.
Въ первый разъ имъ отъ рожденья
Въ день великій, въ день спасенья,
Довелось быть за обѣдней въ Пасху, въ Воскресенье.
И влекомые Христовою любовью,
Исповѣдались и пріобщились Его Тѣла, Его Крови.

* * *

---

*) Церковь была устроена походная, а мѣсто, гдѣ я служилъ литургію, обнесено рѣшеткой, и тамъ поставлена плащаница.

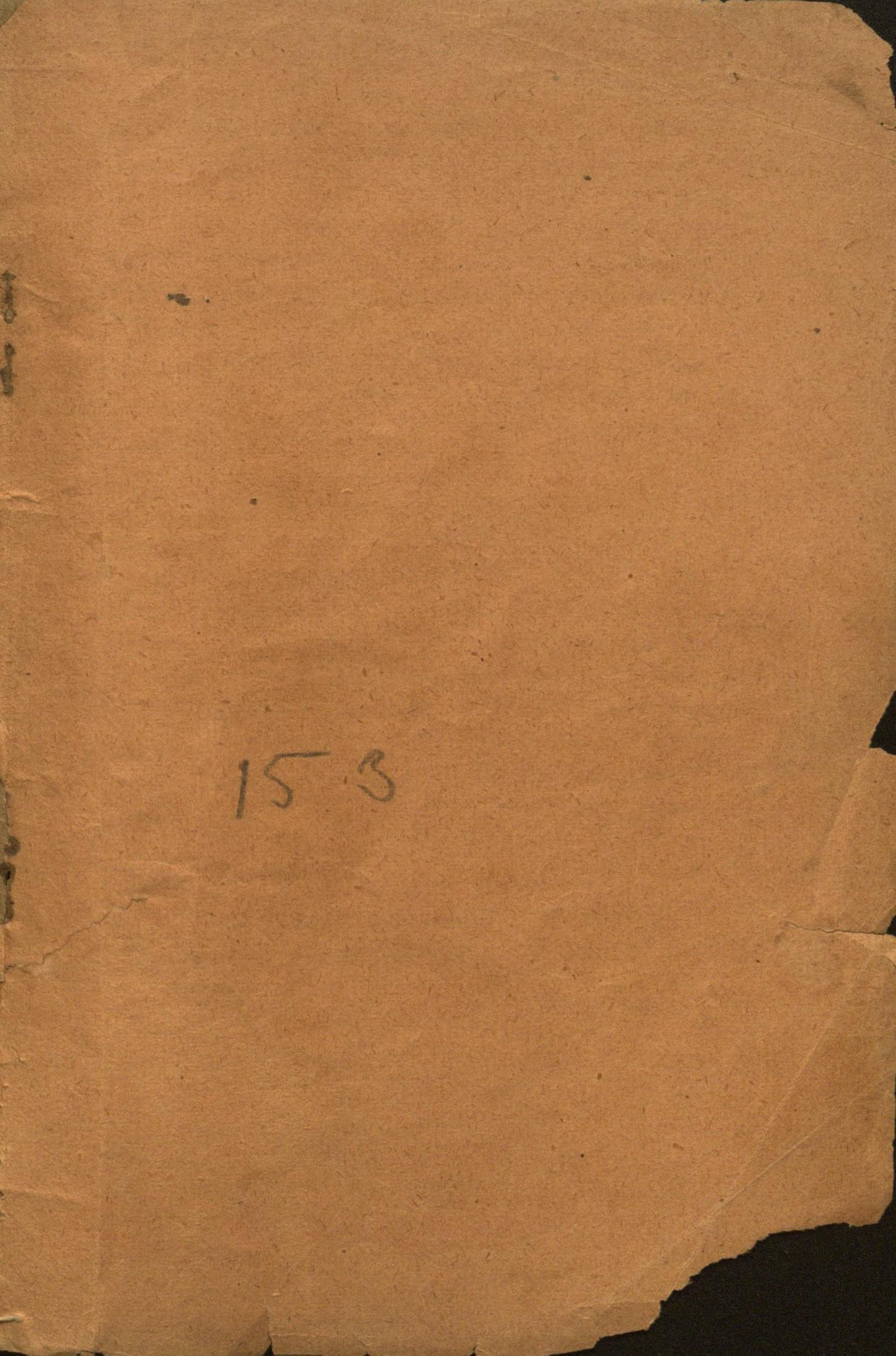
—Христосъ Воскресъ, Христосъ Воскресъ!—
Отъ радости они кричали.
—Воистину—Воистину Воскресъ!—
Имъ эхомъ моря волны, горы, холмы отвѣчали.
Въ избыткѣ чувствъ и преисполнившисъ восторгомъ,
Среди общественной молитвы, прокаженные не умолкали:
—Христосъ Воскресъ, Христосъ Воскресъ!
Онъ къ намъ пришелъ съ небесъ,
Теперь мы не одни остались...

* * *

Прошелъ тотъ день, насталъ разлуки часъ,
И мнѣ разстаться съ ними горько стало:
Воспоминанія на-вѣки добрыя осталися у насъ,
Хотя въ духовномъ единеньи мы пробыли такъ мало.
А какъ отрадно было имъ со мною,—
Вы посудите сами.
Когда они, колѣна преклонивъ, съ поникшей головою,
Молили Господа о ниспосланьи непогоды,
Чтобъ не было дороги мнѣ.
Меня-жъ просили со слезами:
—Родной ты нашъ отецъ!—еще, еще хоть день останься съ нами!..

Іеромонахъ *Несторъ*,
Камчатскій миссіонеръ.

30 іюля 1911 г.

153